

Спіс выкарыстанай літаратуры

- 1 Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск : “Беларуская энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі, 1994. – 653 с.
- 2 Бобровская, Г. В. Элокутивныя средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале русского языка): автореф. дисс. докт. фил. наук / Г. В. Бобровская. – Волгоград, 2011. – 46 с.
- 3 Солганик, Г. Я. Специфика языка газеты как формы массовой коммуникации. – “Вестн. Моск. гос. ун-та”. Сер. 11. Журналистика, 1969, № 5.
- 4 Цікоцкі, М. Я. Стылістыка тэксту / М. Я. Цікоцкі. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 223 с.
- 5 Іўчанкаў, В. І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналісткі: курс лекцый / В. І. Іўчанкаў. – Мінск : “Адукацыя і выхаванне”, 2009. – 280 с.

Based on the material of literary journalism, the article analyzes the communicative and pragmatic potential of journalistic discourse associated with the task of consciously influencing the addressee, determined by the author's intention, the situation of creating the text, its purpose and the way the content is presented. To increase the communicative and pragmatic potential of journalistic discourse, the authors actively use rhetorical techniques to activate the addressee's attention, the entertainment of the message, the laws of harmonious dialogue and emotionality of the presentation of the content, as well as visual and expressive linguistic means.

УДК 811'42'37'16:398.92

А. Н. СТАРОВОЙТОВА

(г. Гомель, УО «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»)

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ УГРОЗЫ

Анализируются фразеологизмы с семантикой угрозы в их отношении к системе метаязыковых единиц. Предлагается к числу метаязыковых относить только те фразеологизмы-угрозы, семантические признаки которых прямо или косвенно указывают на то, что объектом негативной оценки, провоцирующей угрозу, выступает речь человека.

Речевой акт, выражающий угрозу, в настоящее время активно изучается в рамках различных направлений лингвистики. Начало этому положено в работах Дж. Остина и Дж. Серля, в которых угроза наряду с обещанием и клятвой рассматривается как иллокутивный акт, направленный на достижение определенной цели через воздействие на адресата [1]. В русской лингвистической традиции исследование угрозы начиналось с ее упоминания в связи с описанием употребления форм повелительного наклонения в работах В. В. Виноградова [2], В. С. Храковского и А. П. Володина [3], И. В. Падучевой [4].

На сегодняшний день речевой акт угрозы представляет собой объект изучения лингвопрагматики, социолингвистики, лингвистической экспертизы, лингвокультурологии. Так, А. Н. Баранов в своей работе выявляет семантику угрозы в устном неподготовленном диалоге и письменном тексте, что обусловлено необходимостью проведения экспертных исследований по ряду составов преступлений, предусмотренных законодательством, а не только задачами лингвистической теории [5]. М. Г. Безяева, рассматривая способы выражения целеустановки волеизъявления в русском языке, подробно останавливается на структурировании речевого акта угрозы [6]. А. Ю. Маслова исследует семантико-прагматические особенности угрозы, способы выражения интенции угрозы, специфику ее языковых средств [7].

Исследователь обращает внимание на использование фразеологических выражений с целью усиления категоричности угрозы и запугивания адресата [7, с. 94]. Вместе с тем интересными для лингвистического анализа представляются речевые ситуации угрозы, в которых фразеологизм выступает не как вспомогательный компонент, усиливающий перлокутивный эффект, а как единица, самостоятельно оформляющая такую речевую ситуацию. Необходимо отметить, что такой анализ сопряжен с установлением отношения фразеологизмов-угроз к системе метаязыковых единиц. В соответствии с этим целью данной статьи является выяснение, можно ли квалифицировать фразеологизмы с семантикой угрозы как метаязыковые единицы. В качестве материала для анализа использованы фразеологизмы из словаря В. П. Белянина и И. А. Бутенко [8], проиллюстрированные примерами употребления из Национального корпуса русского языка [9].

Исследователь М. Г. Безяева определяет угрозу как предупреждение о намерении говорящего осуществить небенефактивное действие для слушающего (или третьего лица), если тот совершил, совершает, совершит или возобновит нежелательное для говорящего или третьего лица действие либо не совершил, не совершает, не хочет совершить или возобновить желательное для говорящего (реже – третьего лица) действие, которое обычно реализуется в активном эмоциональном состоянии говорящего [6, с. 480]. А. Ю. Маслова рассматривает угрозу как конфликтный речевой акт, представляющий собой директивно-комиссивный тип побуждения к действию [7, с. 96]. В. Е. Гольдин, рассуждая о жанрах русской речи, отмечает, что главное в содержании слова *угроза* – характеристика, оценка, причем оценивается и называется не само конкретное действие, не его структура, не локутивная или пропозициональная сторона, а воплощенная в нем единица поведения, поступок, то, чем оказывается и как может восприниматься соответствующее действие [10, с. 98]. В свою очередь, наименование данного коммуникативного поступка выступает обозначением и соответствующего жанра. «Имена же речевых поступков соотнесены с речевыми событиями опосредованно, на основе оценочных отношений, и субъектом оценки выступает некий наблюдатель, определяющий характер поступка прежде всего с внешней стороны, то есть со стороны обстоятельств, ситуаций, в которые погружено оцениваемое им речевое действие, но, конечно, с учетом допускаемых этим речевым действием (его внутренней структурой) прагматических интерпретаций» [10, с. 101]. А. Вежбицка, применяя семантическую теорию элементарных смысловых единиц, моделирует жанр угрозы при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего следующим образом: «говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое; думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал; говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X» [11, с. 73].

Таким образом, угроза в качестве обязательных компонентов включает какое-либо нежелательное действие (или желательное, но не совершенное), само речевое действие, двух обязательных участников (говорящего и слушающего), эмоциональное / оценочное отношение. Угроза обязательно выражается вербально (устно или письменно), является, по существу, коммуникативным (речевым) поступком и носит соответствующее наименование. Это позволяет отнести слово *угроза* к единицам метаязыка в широком его понимании – языковым средствам, референт которых способен присутствовать в языке и речи; его главная ценность в способности эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию.

С опорой на широкое понимание метаязыка в словаре В. П. Белянина и И. А. Бутенко из 1111 представленных здесь единиц нами было отобрано 41 устойчивое выражение (включая лексико-синтаксические варианты), квалифицируемое авторами как угроза физического или реже морального воздействия на собеседника (в словарной статье сопровождаются обозначением *угроза*). Составители словаря отмечают, что данные выражения устойчиво употребляются в тех или иных стандартных ситуациях, их смысл прозрачен и зачастую не требует дополнительного пояснения.

Среди общего количества отобранных фразеологизмов с обозначением угроза 30 единиц не включают в свою структуру компонентов, способных эксплицировать связанные с языком и его использованием явления. Например, *дам в лоб – уши проглотишь; не протягивай руки, а то протянешь ноги; а мордой об асфальт не хочешь?; чтоб тебя подняло да бросило; крути педали, пока не дали; так дам, всю жизнь на лекарства работать будешь* и др. Такие фразеологизмы, на наш взгляд, не относятся к метаязыку даже в широком его понимании. Они только лишь реализуют речевой поступок (угрозу), являются его вербальной оболочкой в конкретной коммуникативной ситуации. Так, устойчивое выражение *крути педали, пока не дали* в словаре имеет значение ‘уходи’, т. е. ни в компонентном составе этой единицы, ни в ее значении не содержатся метаязыковые компоненты. Приведенное выражение в конфликтной ситуации общения лишь оформляет угрозу: «Анатолий: Вот и позвольте подняться и шуровать на чистку овощей и фруктов, сэры. Руслан: Да чего вы с ними церемонитесь? Толя? Филипп? Давайте **крутите педали, пока не дали!** Давай-давай, вперед... Мы за вас грузили машину, ясно? А сейчас еще и на кухне вкалывать не собираемся. Вперед, вперед, нечего...» [Николай Коляда. Барак (1987)]. Неметаязыковые фразеологизмы, выражающие угрозу, оказались самыми многочисленными из выделенных нами в словаре единиц.

Несколько фразем (*сделаю бледный вид и зубы рядом; ты поступаешь так, будто у тебя в кармане запасная челюсть; тебе зубы не жмут?; зубы чистишь? Больше не будешь!; у тебя зубы в ряд? Сейчас будут в кучку; у тебя зубы в ряд? давай в шахматы играть: Зуб – нет, зуб – нет...; А в рот тебе не плюнут (жареной морковкой?)*) в своем составе содержат компоненты *зубы, рот, челюсть*, эксплицирующие явления, связанные с языком / речью.

Зуб – 1. Костный орган во рту для схватывания, кусания, измельчения и разжёвывания пищи [12, с. 371].

Рот – 1. Полость между верхней и нижней челюстями, снаружи закрытая губами [12, с. 1130].

Челюсть – 1. Каждая из двух лицевых костей, в которых укреплены зубы [12, с. 1470].

Компоненты *зубы, рот, челюсть* репрезентируют семантическое поле «речевой аппарат», в соответствии с чем перечисленные выше фразеологизмы, выражающие угрозу, можно отнести к периферии метаязыковых обозначений. Приведенные компоненты здесь понимаются не только буквально, но и метафорически: символизируют речь и способность к выражению мысли. Они не только описывают физический процесс артикуляции, но и отражают способность собеседника к вербальной коммуникации, пусть и неудачной. В приведенном ниже примере неудачная коммуникация отражена не только в самом устойчивом сочетании *тебе зубы не жмут?* (здесь вариант *зубы жмут?*), но и эксплицируется глаголом *огорашивает* (‘поразить, озадачить чем-л. неожиданным; ошеломить’ [13, с. 698]): «Вдруг да придется искать Олесю, дочку соседней, отдохавшую в Судаче, на женском пляже. Олеся – студентка, «свой парень», при случае огорашивает приятельниц матери присловьями типа «**Зубы жмут? Могу расставить**», изучает отечественную историю почему-то на английском языке (факультет такой); мы решили пригласить ее с собой в путь по Киммерии» [Юрий Черниченко. Небесная глина (1968) // «Юность», 1969].

К числу очевидных метаязыковых фразеологизмов-угроз в нашей картотеке можно отнести только 4 единицы. Это прежде всего фразеологизмы, в структуре которых имеются компоненты-метанаименования (*говорить, сказал, молчать*): *много будешь говорить – много будешь получать; молчать, пока зубы торчат!; кто-то что-то сказал, или мне послышалось? – Сказал... что послышалось*. Метаязыковым является и устойчивое сочетание *встанешь в позу – получишь дозу* в значении ‘не выступай, не задирайся’. Семантическая структура данного фразеологизма включает семы ‘высказывать’, ‘просить’, ‘браниться’, ‘переругиваться’, непосредственно указывающие на определенные формы речевой деятельности:

Выступать – Привлекать к себе внимание, высказывая претензии, недовольство, возмущение и т. п. [13, I, с. 276].

Претензия – 1. Предъявление своих прав на получение чего-л., требование чего-л. [12, с. 968].

Требование к Требовать – 1. Просить в категорической форме [13, с. 1341].

Задира́ться – 2. Приставать к кому-л., вызывая на ссору, драку [13, с. 320].

Ссора – Состояние взаимной вражды, серьёзная размолвка; взаимная перебранка [12, с. 1257].

Перебранка к Перебраниваться – Разг. Браниться друг с другом; переругиваться [12, с. 794].

Таким образом, в узком понимании метаязыковыми можно считать только те фразеологизмы-угрозы, семантические признаки которых прямо или косвенно указывают на то, что объектом негативной оценки, провоцирующей угрозу, выступает речь человека.

Проведенное исследование показывает, что подавляющее большинство проанализированных устойчивых выражений с семантикой угрозы не являются метаязыковыми единицами, несмотря на то что представляют речевой поступок в определенной коммуникативной ситуации. Верным видится такой подход к определению метаязыкового статуса фразеологизма-угрозы, при котором учитывается наличие/отсутствие в семантической структуре фразеологизма указаний на связь негативной реакции со стороны адресанта угрозы с речевыми действиями адресата.

Список использованной литературы

1 Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170–194.

2 Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : Учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов / Отв. ред. Г. А. Золотова, – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

3 Храковский, В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Ленинград : Наука, 1986. – 270 с.

4 Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

5 Баранов, А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике / А. Н. Баранов // Теория и практика судебной экспертизы – № 4 (36). – 2014. – С. 139–147.

6 Безяева, М. Г. Семантика и волеизъявление коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге / М. Г. Безяева. – М. : Издательство Московского университета, 2002. – 752 с.

7 Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие / А. Ю. Маслова. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 149 с.

8 Белянин, В. П. Толковый словарь современных разговорных фразеологизмов и присловий / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : Институт культурологии РАН, Министерство культуры 1993. – 72 с.

9 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 18.01.2026.

10 Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 90–102.

11 Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 68–80.

12 Большой толковый словарь русского языка / Сост. и ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

13 Толковый словарь русской разговорной речи / Авторы-составители [М. Я. Гловинская и др.]; отв. ред. Л. П. Крысин. – М. ; Санкт-Петербург : Языки славянской культуры; Нестор-История, 2014 –2022. – 4 т.

Phraseological units with threat semantics in their relation to the system of metalanguage units are analyzed. It is proposed to include only those threat phraseological units as metalanguages, the semantic features of which directly or indirectly indicate that human speech is the object of a negative assessment provoking a threat.

УДК 37.091.33:821.161.3-14

В. А. СЦЕПЧАНКА

(г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”)

ВЫКАРЫСТАННЕ МЕТАДУ НАГЛЯДНАСЦІ І ПРЫЁМАЎ ЯГО РЭАЛІЗАЦЫ ПРЫ ВЫВУЧЭННІ ІНТЫМНАЙ ЛІРЫКІ Ў 8 КЛАСЕ

У артыкуле прыведзены прыклады прыёмаў візуалізацыі, якія могуць быць выкарыстаны на ўроку беларускай літаратуры ў 8 класе пры вывучэнні інтымнай лірыкі. Разгледжана іх роля і актуальнасць выкарыстання.

У сучасным адукацыйным працэсе прыёмы візуалізацыі набываюць усё большую значнасць. Хуткі рост іх папулярнасці абумоўлены развіццём візуальнай інфармацыі вакол нас, а менавіта інтэрнэтам і тэлебачаннем. Паколькі сённяшнія школьнікі атрымліваюць большую частку інфармацыі з дапамогай зроку, вывучэнне матэрыялу ў візуальнай форме значна паляпшае яго засваенне.

Выкарыстанне візуальных прыёмаў на ўроках беларускай літаратуры ў школе накіравана не толькі на развіццё творчага мыслення вучняў, але і на тое, каб дапамагчы ім зразумець твор, навучыцца аналізаваць, вывучаць новыя словы і спосабы выражэння сваіх думак. Акрамя таго, улічваючы асаблівасці ўспрыняцця сучаснымі школьнікамі інфармацыі і, наогул, свету вакол іх, можна зразумець, што менавіта цікавыя візуальныя прыёмы дапамогуць настаўніку зацікавіць вучняў і натхніць іх на вывучэнне літаратуры.

Часта здараюцца сітуацыі, калі школьнік не можа зразумець сэнс таго ці іншага твора. У такіх выпадках візуалізацыя прыходзіць на дапамогу. Валеева А. В. адзначае: “Візуальная мова адказвае патрэбам пераадолення схаваных стэрэатыпаў літаратурнай мовы і спрыяе нелінейнаму характару новых чалавечых досведаў, паколькі бачная выява ўсім «інтуітыўна зразумелая» і дае магчымасць выяўляць дадатковыя адценні сэнсу” [1, с. 57].

Пры вывучэнні лірычных твораў у школе настаўнік можа выкарыстоўваць візуалізацыю з мэтай дапамагчы вучням адчуць усю глыбіню твора. Лірычны твор можна лічыць адлюстраваннем успрыняцця аўтарам навакольнага свету, таму вельмі важна дапамагчы вучням зразумець, што такое творчасць і якую ролю яна займае ў фарміраванні светапогляду і асобных перакананняў. Асабліва важна зрабіць зразумелым і эмацыйна-правільным вывучэнне інтымнай лірыкі.

З інтымнай лірыкай вучні пачынаюць знаёміцца ў 8 класе. Пры планаванні ўрокаў па дадзенай тэме настаўніку важна ўлічваць псіхалагічны аспект, сутнасць якога ў тым, што ў гэтым узросце для вучняў найбольш характэрна эгацэнтрычнае стаўленне да свету, а таксама вострая засяроджанасць на сваіх пачуццях, эмоцыях, праблемах, а значыць усе лірычныя тэксты будуць успрымацца менавіта праз гэту прызму. “У 7–8 класах павышаецца роля праблемных пытанняў, з’яўляюцца гутаркі, аднак нельга забываць і пра эмацыйны фон урока. У гэтым зьяне неабходна выходзіць крытычныя адносіны да тэксту, дапамагчы спасцігнуць важныя заканамернасці літаратурнага працэсу ў цэлым” [2, с. 40].